

РЕЦЕНЗИИ

ЭТА КНИГА могла появиться только в наши дни. Более того — должна была появиться. И потому, что автор ее на протяжении ряда лет печатал работы, в каждой из которых, все определенной, все жестче испытываясь на прочность, формировалась его концепция. И потому еще, что весь ход развития современного советского литературоведения за последние годы как бы «запрограммирован» на создание такого рода трудов. Юрий Кузьменко, несомненно, выступил как первооткрыватель. Однако эвристический пафос, которым дышит его монография, вдохновлен многочисленными исследованиями его коллег и собратьев по цеху, развернутыми во всех направлениях сегодняшнего литературного процесса. В свою очередь, научный уровень, методология, результаты этих исследований оказались для Ю. Кузьменко объектом заинтересованного изучения как органичная часть этого процесса и свидетельство зафиксированного им, определившегося с 60-х годов и продолжающегося донныне мощного методологического сдвига «в направлении системного, комплексного понимания искусства, лишенного прежних односторонностей».

Именно такими свойствами отличается и труд Ю. Кузьменко — многоплановый, неизбежно сложный по структуре и содержанию и, несмотря на то, удивительно динамичный.

Исходным его положением является мысль о том, что советская литература, взятая во всей совокупности созданных ею непреходящих художественных ценностей, «представляет собой большое и сложное идейно-эстетическое единство. При этом единство не статичное, а живое, подвижное, меняющееся в соответствии с условиями и потребностями времени».

Почему происходят эти изменения? Что меняется в советской литературе и что остается основополагающим? Какие перемены вносит время в наше понимание социалистического реализма? Как соотносятся между собой общественно-исторический процесс и процесс литературный? Какие стороны и явления действительности оказывают наибольшее воздействие на историческую эволюцию художественного творчества? Наконец, можем ли мы на основе знания определенных закономерностей взаимодействия искусства и жизни предвидеть направление и характер его развития хотя бы в ближайшем будущем?..

Отнюдь не легко ответить на эти и многие другие связанные с ними и порождаемые ими вопросы. Но Ю. Кузьменко для того и открывает ими свою книгу. И его ответы, по большей части весьма убедительные, разворачиваются в интереснейшую панораму исторического развития советской литературы. Причем этот процесс предстает не столько во внешних проявлениях, сколько изнутри — автора прежде всего занимает скрытый механизм исследуемого им мощного поступательного движения.

Обращаясь к основным явлениям истории европейской и отечественной литературы, он, справедливо рассматривая литературный процесс XX века

как очередное звено всей предшествующей истории мирового искусства, выдвигает мысль о том, что развитие социалистической литературы подчинено тем же закономерностям. И что процесс этот, соответственно, тоже можно разделить на два больших этапа.

Первый из них совпадает с периодом социалистического преобразования общества в нашей стране, который, как считает современная советская историческая наука, начинается с рубежа XIX—XX веков, заканчиваясь к середине 50-х годов. Гигантские революционные и военные катаклизмы

русского и усиления лирического начала, появление наряду с другими тематическими направлениями «литературы повседневности», где герой имеет дело с обстоятельствами сравнительно узкого, локального плана. Социалистический реализм на этом этапе «понижается большинством исследователей как открытая эстетическая система, не связанная критериями формального характера (в пределах реалистического типа художественного творчества)». Основным критерием оказывается коммунистическая партийность.

Размышляя об этих двух этапах литературного разви-

всестороннем самопознании советского общества, в глубоком изучении новых противоречий и закономерностей, лежащих в основе его движения вперед...». Немало верных наблюдений и мыслей содержится в следующей главе, где развернута картина современного литературного процесса. Однако здесь заметно чаще встречаются и суждения, с которыми можно было бы основательно поспорить.

Да и вся работа в целом, как всякая первооткрывательская вещь, дает достаточный и благодарный материал для размышлений и дискуссий. При этом наибольшая уязвимость созданной автором «модели» литературного развития определяется, на мой взгляд, чрезмерным значением, придаваемым порою «эпической доминанте». Целеустремленно прослеживая ее эволюцию, делая ее своеобразным мерилем литературного подъема, Ю. Кузьменко подчас заметно обедняет и упрощает рисуемую им картину литературной жизни, особенно когда ведет речь о 20—30-х годах.

С другой стороны, в его размышлениях о современности и ее воздействии на сегодняшнюю литературу, ее воллощении в ней, а также в очень интересных попытках научного прогнозирования незаслуженно большая роль отводится приметам «прозаизации», которая, по Гегелю, непримиримо враждебна «эпическому сознанию», рождающему истинное искусство. Думаю, что нынешнее состояние мира, в том числе и нашего общества, менее всего «прозаично» — подтверждений тому хватает и в жизни, и в литературе. Не случайно зальгинская «Комиссия» или «Царь-рыба» В. Астафьева, «Выбор» Ю. Бондарева или роман Ч. Айтматова «И дольше века длится день», а также многие другие хорошие книги, обозначившие передний край литературного поиска во второй половине 70-х и на рубеже 80-х годов, проникнуты высочайшим напряжением познавательного, нравственно-философского и, если угодно, пророческого пафоса. Авторы их, даже обращаясь в прошлое, явным образом глядят вперед в завтрашний день человечества. И взгляд этот глобально масштабный, исполнен тревоги, надежды, гнева, и герои этих книг захвачены отнюдь не локальными проблемами...

Но сказанное свидетельствует лишь о том, что задачи, которые взялся решать Ю. Кузьменко, нарастают по мере углубления в материал и неодолимы в одиночку. Открытое исследование направление исследований, опробованный и в основе оправдавший себя методологический принцип и даже спорность иных положений должны помочь идущим рядом и вослед. Ибо перед нами — новое, живое и в главном близкое научной истине слово.

Вс. СУРГАНОВ

УСТРЕМЛЕННОСТЬ
ПОЗНАНИЯ

Ю. Кузьменко. «Советская литература вчера, сегодня, завтра». Издательство «Советский писатель». М. 1981.

этой поры, сопровождавшие становление новой формации и породившие атмосферу бурного социального творчества, определили, по убеждению Ю. Кузьменко, возврат обновляемого общества к «героическому состоянию мира». И Ю. Кузьменко настаивает на необходимости рассматривать социалистическую литературу этой поры в качестве сложного и неповторимого диалектического единства, которое отразило это состояние, выдвинув в качестве доминанты возрожденное им эпическое художественное сознание и соответствующие жанры. В центр писательского внимания в эти годы, начиная уже с горьковских «Мещан», с машиниста Нила, все энергичнее выдвигается «человек творческий». «Герой в идеале». И само понятие социалистического реализма, сложившееся в начале 30-х годов на основе достигнутых к этому времени богатейших завоеваний советской литературы, определяется прежде всего и главным образом «как художественный метод, в типологическом отношении равнозначный эпическому реализму».

Второй период, берущий начало от переходного рубежа 50—60-х годов и просматриваемый, как считает исследователь, по меньшей мере до конца века, представлен литературой развитого социализма. Общественное развитие в эту пору происходит в условиях относительно «мирных будней», что привносит в социальные эмоции современников многие черты, свойственные «прозаическому состоянию мира». Это вызывает в литературе определенный «отлив» эпи-

тии, Ю. Кузьменко исходит из наличия между ними теснейшей преемственности. Собственно говоря, одна из главных задач, поставленных им перед собой, заключается в том, чтобы раскрыть диалектику этой связи и, разумеется, различий, отражающую в конечном счете закономерную смену основных этапов социалистического общества. С этим он справляется весьма успешно. И обстоятельное, доказательнее всего исходит в этом отношении так называемую «производственную тему», все ее «взлеты» и «сплады», всех ее героев — от Чувалова до Чешкова, а также связанные с ней открытия и просчеты нашего литературоведения. Это исследование, образующее в книге некий направляющий стержень, само по себе является на сегодня одним из самых значительных вкладов в многолетнее изучение названной темы. В то же время это убедительное подтверждение правильности исходных позиций и действительности того методологического принципа, который обоснован и применен в монографии.

То же самое свидетельствует третья ее глава — наиболее, на мой взгляд, удавшаяся Ю. Кузьменко. Здесь едва ли не впервые так обстоятельно и логично прослежен интереснейший переходный процесс, происходящий «на стыке» двух масштабных этапов литературного развития, дана научно аргументированная, партийная характеристика своеобразной и противоречивой общественно-литературной атмосферы 50—60-х годов, когда, по словам исследователя, «возникла настоятельная потребность во